

VIII.

Всю дорогу насъ преслѣдовало самое печальное состояніе духа — мы до сихъ поръ встрѣчали все только удачи и радости, это было первое горе на нашемъ долгомъ пути.

А какъ на бѣду и погода испортилась. Съ сѣвера, словно въ догонку за нами, подвинулись сѣрыя тучи, пошелъ дождь; — окрестности заволокло сѣдою мглою, а подъ нами сплошь тянулись печальныя пространства вырубленныхъ лѣсовъ, межъ которыми чернѣли разбухшія отъ дождя полосы осеннихъ запашекъ.

Нѣсколько разъ намъ удавалось опереживать тучи, вылетать на свѣтъ Божій и отогрѣвать на живительныхъ лучахъ солнца наши озябшіе, намокшіе члены, но къ вечеру небо заволокло все сплошь, и мы спустились на ночлегъ — на пустырь, на громадномъ пожелтѣломъ лугу, не вдалекѣ отъ болотистаго перелѣска, на опушкѣ котораго пріютилось нѣсколько жалкихъ избенокъ — маленькаго крестьянскаго выселка.

Каково же было наше изумленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ радость, когда, спускаясь внизъ, мы замѣтили на лугу нашего Верхогляда, покойно прогуливающегося по межѣ и посматривающаго вверхъ, въ ожиданіи нашего прибытія.

— Бить тебя надо — негодяя! — накинулся на него нашъ предводитель.

— И вѣрно, что бить! — подтвердилъ папа.

— За что? — пожалъ намокшимъ крыломъ Верхоглядъ.

— За безпокойство общее!.. Вотъ за что!

— Повѣрьте, что я имѣлъ основаніе безпокоиться гораздо больше, чѣмъ вы, господа, — замѣтилъ Верхоглядъ.

— Ну, ладно, рассказывай — что случилось! гдѣ ты пропадалъ?

— А вотъ это другое дѣло! Конечно, я буду рассказывать и даже нѣчто весьма интересное. Только не сейчасъ, не сразу... А вотъ отдохните, оправьтесь, приготовьтесь хорошенько, а затѣмъ внимайте.

И Верхоглядъ гордо окинулъ взоромъ все собраніе.

— Да-съ, господа! — произнесъ онъ, помолчавъ съ минуту: — со мною случилось нѣчто совершенно особенное, и только моя опытность, находчивость и необыкновенное счастье при этомъ, дали мнѣ возможность находиться, въ данную минуту, между вами снова, а не оплакивать свою судьбу въ неволѣ, съ подрѣзанными, чуть не подъ корень крыльями, на утѣху грязныхъ, деревенскихъ мальчишекъ... въ лучшемъ даже случаѣ...

— Да ну, не томи... пискнула моя нетерпѣливая сестренка.

— Но Верхоглядъ былъ неумолимъ. И только, когда мы оправились, отряхнулись, передохнули немного и чинно составили кругъ, въ центрѣ котораго помѣ-

стился рассказчикъ, онъ, порисовавшись и даже поплясавъ немного, принялся за свое повѣствованіе.

— Покуда вы занимались горохомъ, милостивые государины и государи,—началь свой рассказъ Верхоглядъ: — я, признаться сказать, не особенный охотникъ до этой дряни... особенно въ виду финиковъ и кокосовъ...

— Это еще что такое? — перебила сестричка.

— Молчи! толкнулъ я ее въ бокъ, — не перебивай.

Верхоглядъ помолчалъ и серьезно взглянулъ въ нашу сторону... оба мы невольно покраснѣли.

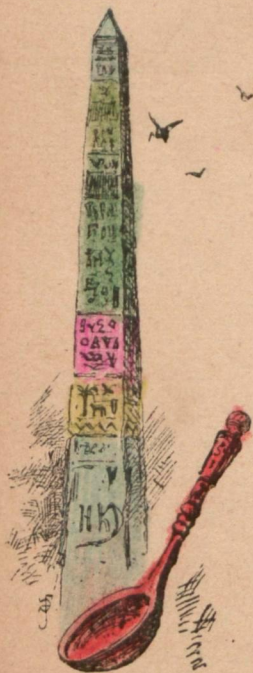
— Такъ вотъ,—продолжалъ онъ,—пока вы кушали горохъ, я отправился пройтись по деревнѣ. Я вообще люблю изучать нравы и обычаи людей и тому подобныхъ животныхъ, и съ этою только цѣлю заглядывалъ во дворы и даже въ окошки... тутъ я замѣтилъ, что одно окошко приподнято и оттуда преаппетитно пахнетъ свѣже испеченнымъ хлѣбомъ. Я вскочилъ на заваленку, всунулъ голову въ окно и сталъ осматриваться: въ избѣ было темно, слышался храпъ и сопѣніе нѣсколькихъ носовъ, а подъ печью хрюкали и возились крохотные поросята; на столѣ, недалеко отъ моего окна, лежалъ цѣльный хлѣбъ, прикрытый полотенцемъ, около стояла деревянная крашенная солонка и лежало нѣсколько красивыхъ деревянныхъ ложекъ.

— Мнѣ пришло въ голову взять одну изъ нихъ на память.

— Украсть по просту! строго замѣтилъ Долгоносъ.

— Странное выраженіе! Англичане цѣлую иглу Клеопатры взяли изъ Египта и относительно ихъ никто такого выраженія не употреблялъ, отвѣчалъ рассказчикъ. — Что же значитъ деревянная ложка сравнительно съ каменнымъ обелискомъ!

— Продолжай! кивнулъ головою папа.

— Такъ, вотъ,—только что я хотѣлъ просунуться въ окно еще немного, какъ вдругъ это подлое окошко щелкнуло и упавшая рама придавила мнѣ шею...

— Ай! ай! Боже! слышались тревожные голоса.

— Боль была нестерпимая, я думалъ, что моя шея по поламъ... я невольно закричалъ во все горло... и принялся биться и рваться, изо всѣхъ силъ... стекла со звономъ полетѣли, въ избѣ всѣ переполошились, какая-то собака съ лаемъ и визгомъ пыталась схватить меня снаружи за хвостъ и ноги, но я брыкался отчаянно и не давался, а между тѣмъ зажгли огонь...

— Такъ вотъ это кто! тащи его, хватай, бей! слышались голоса.

— Зачѣмъ бить! бери живьемъ! заступился кто-то и не прошло минуты, какъ я былъ схваченъ, освобожденъ изъ подъ прищемившаго мнѣ шею окна, зажать между чьими-то грубыми колѣнами, а на голову мнѣ надвинули грязный, вонючій мѣшокъ... Я попался въ плѣнъ.

— Отъ боли, отъ недостатка воздуха, отъ непосильной, отчаянной борьбы я сначала потерялъ сознание... очнулся на воздухѣ... Меня несутъ, и кругомъ меня идетъ оживленный говоръ... Спорятъ о чемъ-то.

— Тащи къ попу, на дворъ, говоритъ чей-то голосъ...

— А и то правда, говоритъ другой.— У него уже есть одинъ, ему подъ пару...

— Нѣтъ, братцы, и птица какая смѣлая! Я думалъ, что за лѣшій, а онъ вишь ты что вздумалъ!

— А ужъ и напужалась же я, отцы мои! заговорила баба, такимъ сквернымъ, пискливымъ голосомъ,—ноги это отнялись, кричать не могу... Ахъ ты ока-янный!..

— Антипка, Васька, Грунька! подъ сюда!.. журку пымали! кричали дѣтскіе голоса.

— Да это можетъ поповскій и есть?

— Нѣтъ, дикій!..

— И какъ это его оконцемъ пристукнетъ... въ
лучшемъ видѣ!..

«Заскрипѣли какія-то ворота, меня выпустили и
сдернули съ головы мѣшокъ. Измятый, измученный,
я рванулся и сталъ осматриваться: я находился въ не-
большомъ сараѣ, дверь котораго только что плотно
прихлопнули. По угламъ стояло нѣсколько кадокъ и
большой, пустой ящикъ, дѣтская телѣжка безъ ко-
лесъ, кое-какая посуда, а на стѣнахъ висѣли хомуты
и разная сбруя.

— Здравствуй, товарищъ! раздалось около меня.

Я вздрогнулъ и сталъ всматриваться въ уголь,
откуда донеслось дружеское привѣтствіе... Каково же
мое было изумленіе и радость!.. Я увидалъ журавля
нашей породы, спокойно и нѣсколько грустно смотря-
щаго мнѣ прямо въ глаза.

— Попался бѣдный товарищъ, покачалъ онъ го-
ловою.

— Ты какъ же здѣсь? спросилъ я.

— О, я уже давно... уже третій годъ... меня нашли
въ лѣсу отставшаго, больного, принесли сюда... и...

— Что же ты не ушелъ?

— Крылья подрѣзаны, — пѣшкомъ не уйдешь!..
проговорилъ онъ печально и чуть не заплакалъ. —
Вотъ, погоди, подрѣжутъ и тебѣ!

У меня закружилась голова и въ глазахъ позеленѣло.

Между тѣмъ, за дверью снова слышались голоса
мужиковъ и бабъ.

— Гдѣ же это журка-то вновь изыманный? раз-
дался чей-то вопросъ.

— А вотъ, батюшко, въ сарайчикъ къ вашему
пока пустили. — Подъ пару будетъ. Совсѣмъ одинъ
къ одному, — ровненькіе!..

— Счастливая мысль, дружище, торопливо заговорилъ мой товарищъ по плѣну:—сейчасъ взойдутъ. Навѣрно тебѣ, прежде всего, обрубятъ крылья... Дѣлай что я тебѣ прикажу, — и ты спасенъ.

— Спасенъ!.. О, еслибы!..

— Войдутъ,—ты сиди въ углу смирно, не бойся!.. Относись къ людямъ довѣрчиво, какъ будто ручной, а я притворюсь дикимъ... Понялъ?

— Понялъ.

«Едва только онъ успѣлъ это сказать, какъ дверь осторожно стала отворяться, и на порогѣ показались люди. Впереди всѣхъ старикъ, въ длинномъ сѣромъ подрясникѣ и съ туго заплетенною, сѣдою косичкою на затылкѣ, это и былъ самъ батюшка; за нимъ — двѣ косматая, рыжія бороды, дальше, еще нѣсколько головъ, въ шапкахъ и безъ шапокъ, далѣе пестрѣли бабьи платки, между ногъ пролѣзали бѣлокурыя дѣтскія головки... Дверь сарая была плотно загорожена человѣческими фигурами и внутри оттого было не совсѣмъ свѣтло.

«Мой спаситель принялся отчаянно биться и метаться по сараю, я же, помня совѣтъ, присѣлъ покойно у бочки и самыми невинными глазами смотрѣлъ на все происходившее.

— Вотъ это мой умникъ? протянулъ руку ко мнѣ батюшка и погладилъ меня по головѣ... Я ни гу-гу.

— Лови его, лови, ребятки! загоняй въ уголъ... Эко шустрый какой, сейчасъ видно, что дикій!

«Но мой великодушный товарищъ по плѣну, бился какъ сумасшедшій, не даваясь въ руки.

— Эй! крикнулъ батюшка, замѣтивъ, что наконецъ моего товарища зажали въ самый уголъ и нѣсколько человѣкъ навалились на него, какъ на меня передъ этимъ.

— Эй, кто тамъ? Аришка! Добѣги къ матушкѣ, въ горницу, принеси веревку, да ножницы.

— Спасайся теперь! простоналъ мой великодушный собратъ. И дѣйствительно — была пора! Моментъ былъ самый благопріятный... Занявшись прежнимъ плѣнникомъ, вполне убѣжденные, что онъ-то и есть новый дикій, враги оставили меня совершенно безъ вниманія. Дверь сарая была отперта настежь; я въ два прыжка очутился на дворѣ, сбиль съ ногъ Аришку, съ веревкою и ножницами и мигомъ взвился на воздухъ.

— Прощай, другъ! успѣлъ я крикнуть своему несчастному товарищу. Имя твое будетъ занесено въ исторію!

Воображаю ихъ фізіономіи, когда они, глядя на мой полетъ, спохватились и сообразили въ чемъ дѣло!

Я летѣлъ безъ оглядки. Никогда въ жизни не приходилось мнѣ летать такъ скоро. Глядя на меня никто-бы не подумалъ, что это журавль — навѣрное приняли-бы за ласточку — или, по крайней мѣрѣ — за орла. Съ розмаху чуть не ударился о ель головой. Поднялся выше, зацѣпилъ за облако и разнесъ его въ дребезги... летѣлъ — летѣлъ... Но вы не подумайте, что это изъ страха — какіе пустяки! Страхъ это — чувство совершенно не свойственно журавлямъ вообще и мнѣ въ особенности. Я охотно бы остался еще немного посмотреть, что дальше будетъ, да вспомнилъ о васъ; мнѣ живо представилось ваше, совершенно понятное, безпокойство и волненіе, и я полетѣлъ васъ догонять. Удивляюсь, какъ это я обогналъ васъ не замѣтивши!.. Вы какую дорогою летѣли?

Верхоглядъ окончилъ свой рассказъ этимъ вопросомъ, предложеннымъ самымъ, повидимому, равнодушнымъ тономъ и оглядѣлъ собраніе.

— Великій подви́гъ, — великій, проговорилъ Долгоно́съ-Всезна́йка.

— Достойный нашей великодушной и благородной поро́дѣ! подтвердилъ папа Горла́нь.

— Я полагаю, надменно произнесъ Верхоглядъ... Вотъ вы все мнѣ не вѣрите, все подсмѣиваетесь. Онъ, бѣдный, подумалъ, что это его величаютъ.

— Не о тебѣ рѣчь идетъ, обрѣзалъ его нашъ старшина. — Ты только легкомысленный дуракъ, которому везетъ удивительно... я говорю о томъ, обѣ оставшемся... Ты говорилъ, что онъ уже три года въ плѣну?..

— Три года, чуть слышно произнесъ окончательно смущенный вѣтреникъ.

— Ахъ нельзя-ли вернуться... нельзя-ли его спасти! засуетилась моя добрая сестренка.

Вся молодежь присоединилась немедленно къ ея возгласу.

— Спасти! печально повторилъ Долгоно́съ. — Журавль съ подрѣзанными крыльями уже не нуждается въ свободѣ. Ему все равно не прожить теперь, безъ покровительства человѣка...

— Да и, кромѣ того, онъ тамъ очень и очень нуженъ, вмѣшался снова ободрившійся Верхоглядъ. — Не даромъ-же онъ и живетъ вмѣстѣ съ батюшкою. Онъ служить людямъ хорошимъ примѣромъ: мнѣ онъ успѣлъ шепнуть, что даже всѣ проповѣди сочиняетъ собственно онъ, а батюшка только учить наизусть и потомъ выдаетъ за свои.

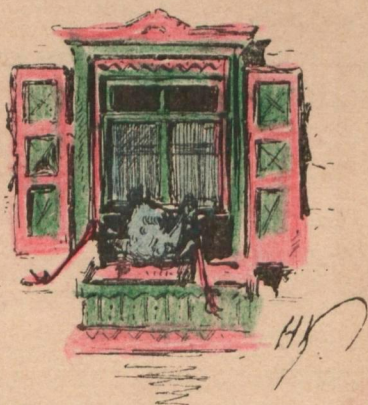
— Опять ты за вранье! экой ты право не исправимый!.. остановилъ его папа... И такъ, дѣти мои, передъ сномъ пропляшемъ въ честь нашего героя-товарища торжественную пляску. Становись, начинай!

И мы всѣ, вытянувшись въ рядъ, исполнили

самый замысловатый танецъ, не смотря на назойливый, холодный дождь, видимо зарядившій на всю ночь.

Верхоглядъ, ссылаясь на чрезмѣрную усталость, уклонился отъ этого обычнаго выраженія нашего торжественнаго настроенія духа.

IX.

олько передъ утромъ стало разъясняться, подулъ холодный вѣтеръ, и мы поневолѣ вспомнили эпизодъ съ дрофами... Надо было скорѣе согрѣться, а то просто крылья отказывались служить какъ слѣдуетъ. Къ тому-же и насчетъ покормки здѣсь было очень плохо: несчастное поле, принадлежащее нищенскому выселку, было давно сжато и снопы сvezены, а кругомъ, сколько не видѣлъ глазъ, ничего не замѣтно было путнаго.

Опытные путеводители наши успокоили насъ сообщеніемъ, что на полдорогѣ встрѣтятся мѣста по привольнѣе... Въ дорогу — такъ въ дорогу!..

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались къ югу — мѣстность мѣнялась значительно... Своего родного

темно-зеленаго ельника мы уже больше не видали, да и и красавица березка стала появляться все рѣже и рѣже.

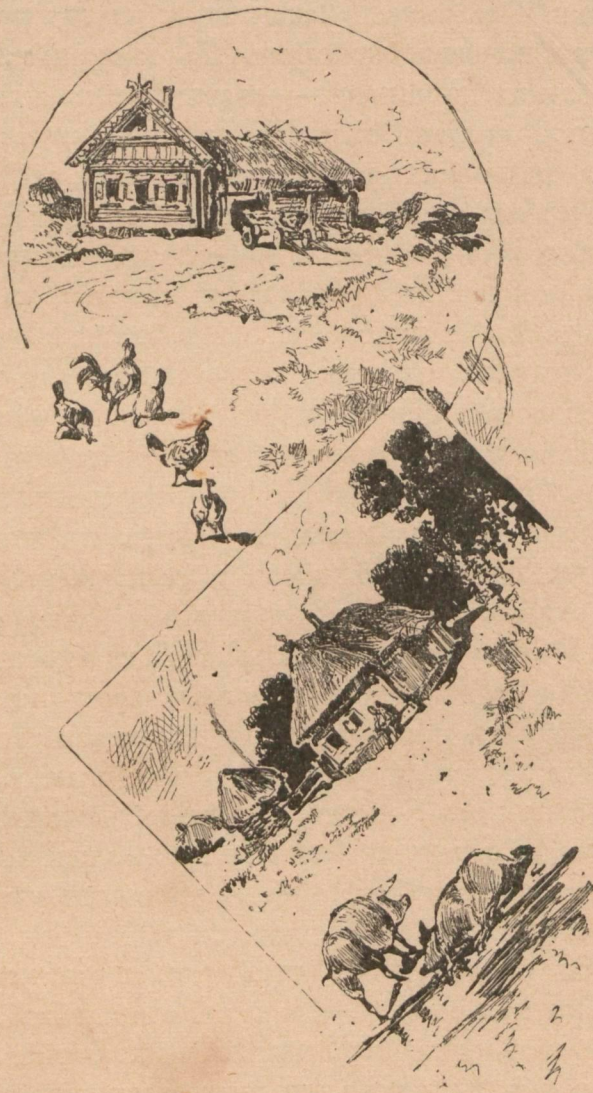
За то, взамѣнъ ихъ, подъ нами разстилались кудрявые, дубовые лѣса, частью уже терявшіе свою листву, частью еще сохранявшіе свой роскошный уборъ... И какой пестрый — красивый! Золотисто-желтый цвѣтъ, признакъ наступившей осени, смѣнялся то огненно-краснымъ, то темно-бронзовымъ. Кое-гдѣ, ярко-зелеными ковриками, сквозили мокрыя полянки, усѣянные красными точками запоздавшихъ цвѣтовъ; дороги тянулись уже не сѣрыми пыльными лентами, а широкими, маслянисто-черными полосами,

и по нимъ медленно ползли обозы телѣгъ, запряженныхъ волами.. Волы эти были тоже особенные, большею частью свѣтло-сѣрые, съ громадными раскидистыми рогами, а около нихъ шли люди въ бараньихъ шапкахъ, въ бѣлыхъ рубахахъ и такихъ-же широкихъ шароварахъ... Почти у каждого въ зубахъ дымилась трубочка, и шли они понутивъ головы, лѣниво ступая по липкой, черноземной грязи дороги.

Встрѣчавшіяся намъ теперь деревни и села тоже
были уже не того вида, что прежде. Здѣсь не было

этихъ веселенькихъ, бревенчатыхъ домиковъ, съ вы-
сокими коньками и кружевною рѣзьбою по карнизамъ,
съ рогатыми изгородами вокругъ, съ скрипучими во-

ротами, усѣянными блестящими шляпками гвоздей... Здѣшнія человѣческія жилища были приземистыя, съ глиняными, выбѣленными стѣнами, съ крохотными окошками и съ тяжело нависшими, гладко причесанными, соломенными крышами. На заваленкахъ, подъ окнами этихъ домиковъ, — «хатъ», какъ ихъ здѣсь называютъ, сидѣли сѣдоусые старики, опершись на палки, а около нихъ копошились смуглые ребяташки; нѣкоторые изъ нихъ играли въ бабки, другіе просто весело шлепали босыми ногами по сверкающимъ на солнцѣ, дождевымъ лужамъ; у колодца толпились крикливыя, по обыкновенію, бабы, споря о чемъ-то, да такъ громко, что даже до насъ долетали ихъ задорные голоса... По-одалъ отъ жилья, на возвышенныхъ мѣстахъ, выстроились цѣлые ряды вѣтряныхъ мельницъ, грозно маша своими растрепанными отъ вѣтра крыльями: у мельницъ тѣснились воза, нагруженные бѣлыми мѣшками, и распряженные волы дремали около, лѣнливо пережевывая свою вѣчную жвачку. Цѣлые города золотыхъ скирдъ окружали такія деревни, а далѣе тянулись безконечныя пространства убранныхъ полей и, уходя въ лиловатую даль, окутанныя легкою дымкою пара, разстилались свѣжія пашни, а на нихъ кое-гдѣ, яркими пятнами, бѣлѣлись рабочіе волы, парами, по двѣ и по три — одна за другою, тяжело волоча за собою, глубоко врѣзавшіеся въ почву своимъ желѣзомъ, неуклюжіе плуги.

И эти поля тучнаго чернозема, и эти неустанно вертящіяся мельницы, и эти города золотыхъ скирдъ, и даже эта упорная медленность въ движеніяхъ — все говорило объ избыткѣ сытости и довольствѣ.

— Тутъ и на нашу долю хватить, сообщилъ намъ папа и сталъ перекликаться съ главарями сосѣднихъ треугольниковъ.

Рѣшено было спуститься на старья жнива, поодаль отъ села, гдѣ, какъ оказалось, можно было довольно таки пособрать забытыхъ, разоренныхъ отъ сноповъ, колосевъ, да и такъ, просто высорившейся, спѣлой пшеницы.

Шумно и весело, хлопая крыльями и хоромъ протрубивъ сигналъ къ отдыху, мы спустились на жнива и тотчасъ-же принялись за покормку.

Одинъ Верхоглядъ былъ не въ духѣ. Онъ даже не болталъ разнаго вздору, по обыкновенію, и, лѣниво потыкавъ носомъ въ сырую, податливую почву, присѣлъ въ борозду, подтянувъ свои длинныя ноги.

— Боленъ, что-ли? заботливо подошла къ нему наша мамаша.

— Боюсь, ногу не повредили-ли мнѣ давеча, отвѣчалъ Верхоглядъ. — Да и шея того, побаливать что-то начала! Просто повернуть не могу!

— Это отъ окошка, замѣтилъ кто-то.

— Должно быть. Спервоначалу-то въ горячкѣ, я не замѣчалъ, а вотъ теперь здорово болѣть стала... гляди — индо пухнетъ!

Всѣ мы окружили нашего бѣднаго вѣтреника, выражали ему, какъ кто умѣлъ, свое соболѣзнованіе, а помочь чѣмъ не знали.

— Смотри, не расхворайся въ серьезъ! замѣтилъ Долгоносъ. — Отстанешь отъ міра — пропадешь!

— Я и то боюсь!.. Ну, да авось Богъ смилуется... Только-бы погода постояла потеплѣе!

Порѣшили, чтобы Верхогляду съ этого перелета находиться въ хвостѣ, гдѣ полегче, и въ смѣну перелетчиковъ его не наряжать.

Подошелъ тутъ Долгоносъ-Всезнайка, пытливо

посмотрѣлъ на Верхогляда, а тотъ такую жалостную позу принялъ, что я чуть не заплакалъ, на него глядя.

Папа отошелъ съ нашимъ предводителемъ въ сторону и стали совѣщаться о чемъ-то, все поглядывая искоса на больного; очевидно, что предметомъ совѣщанія былъ именно онъ самый.

Любопытная сестренка, бокомъ — да бокомъ, словно какъ увлекаясь зернышками, обильно разоренными повсюду, подобралась поближе къ совѣщавшимся, и потомъ опрометью, не выдержала, и подбѣжала къ нашей группѣ... Глазенки у нея сверкали весело и радостно.

— Ничего, проговорила она торопливо, — Долгоность говорить, что нога и шея, это ничего, — поболить и перестанетъ. Вотъ крыло-бы если, ну, тогда бѣда!.. Хотя теперь, ради него, нѣсколько дней перелеты дѣлать покороче, а привалы подольше. Старикъ сказалъ, что мы много уже про запасъ пути забрали; времени хватить.

— А ты, что болтаешь, сорока! незамѣтно подошелъ тутъ папа и стукнулъ сестренку по затылку.

— Ай, папка! больно! вскрикнула та... ишь ты «сорока»... самъ ты воробей!

И всѣ мы невольно расхохотались, такъ намъ смѣшно и не подходяще показалось — названіе «воробей», отнесенное къ такому рослому, красивому и статному журавлю, какъ нашъ папа.

Сестренка моя была общая любимица и ей многое прощалось, что не совсѣмъ согласовалось съ нашею суровою дисциплиною.

На этомъ привалѣ мы познакомились, между прочимъ, съ парой великолѣпныхъ аистовъ. Это были красивыя, бѣлыя долгоногія и долгоносые птицы, съ черными хвостами и чернымъ-же окаймленіемъ на концахъ крыльевъ, носы и ноги ихъ были ярко-краснаго

цвѣта. Гнѣздо ихъ было на крышѣ крайней хаты, у самой печной трубы. Эта пара была молодежь, какъ и мы съ сестрою, нынѣшняго весенняго выводка, и тоже готовились къ отлету! Стадо ихъ паслось нѣсколько подальше, по болотистой низинѣ, а эти прилетѣли сюда къ намъ, просто изъ любопытства познакомиться, какъ они говорили, съ знатными иностранцами.

Премилыя были и весьма образованныя птицы.

Онѣ только оказались совсѣмъ иного съ нами мнѣнія о людяхъ: — люди, какъ они говорили, весьма мирныя и даже пріятныя животныя, и даже состоятъ съ аистами въ большой дружбѣ, и сами аисты никогда не отказываютъ людямъ въ покровительствѣ. Гнѣзда свои аисты вьютъ, большею частью, на крышахъ человѣческихъ жилищъ, и даже на крестахъ и куполахъ церквей, выбирая вообще мѣста видныя, открытыя и непременно на солнцепекѣ.

— Терпѣть не можемъ, говорили они, этой сырой и скверной тѣни.

— А люди развѣ васъ не ѣдятъ? спросилъ одинъ изъ нашихъ.

— И не вымачиваютъ предварительно въ уксусѣ? полюбопытствовалъ другой.

— О, никогда! отвѣчалъ одинъ изъ аистовъ... Они проникнуты такимъ къ намъ уваженіемъ, что не осмѣлились-бы... Да при томъ, они обязаны намъ за массу пользы, которую мы имъ приносимъ, и отсутствіе вреда.

— Какая-же отъ васъ польза? спросилъ я, заинтересовавшись общимъ разговоромъ.

— А такая, что мы истребляемъ всякую гадость вокругъ ихъ жилищъ, убиваемъ змѣй.

— И никогда не трогаемъ ихъ хлѣба.

— Вкуса у васъ, значить, нѣтъ настоящаго, язвительно замѣтилъ нашъ больной, пододвинувшись къ намъ поближе.

— О вкусахъ не спорятъ! замѣтилъ, слегка наклонившись, одинъ изъ аистовъ... Но во всякомъ случаѣ я не понимаю вашей боязни людей. Мы, напримѣръ, гуляемъ совершенно покойно, по улицамъ и даже собаки на насъ не бросаются, гнѣздъ нашихъ не трогаютъ, даже во время перестилки крышъ, даже поправляютъ, если что испортится за зиму, во время нашего отсутствія. А когда мы весною рано возвращаемся домой... О, еслибъ вы видали тотъ живой восторгъ и радость, съ которыми насъ встрѣчаютъ люди! Наше возвращеніе для нихъ сущій праздникъ!

— Вы—одно дѣло, мы—другое, вставилъ тутъ, молчавшій до сихъ поръ, нашъ папа.

— Позвольте мнѣ сказать слово, вмѣшался Верховлядь. Онъ, по случаю нездоровья, былъ въ желчномъ настроеніи духа и ему почему-то захотѣлось срѣзать зазнавашагося немного аиста.

— Вы, господа, дѣйствительно оказываете нѣкоторыя услуги людямъ, но этого для нихъ мало. — Люди вообще такіе эгоисты, мнѣ издали это виднѣе — и чувство благодарности у нихъ не особенно развито, а спасаетъ васъ именно этотъ самый человѣческій эгоизмъ.

— Это какъ-же?..

— А очень просто: — вы, господа аисты, питаетесь всякою дрянью, какъ вы сами изволили выразиться, и потому ваше мясо ни къ чорту не годится! Извините за рѣзкое выраженіе... наше-же мясо, благодаря преимущественно растительной пищѣ, промаринованное и хорошо приготовленное, составляетъ весьма лакомое блюдо, и потому...

— Удивительное достоинство быть годнымъ для чужаго желудка, презрительно пожалъ плечами аистъ.

— Есть чѣмъ хвастаться! добавилъ другой.

— Я и не хвастаюсь, это законы судьбы! — я только объясняю главную причину вашей безопасности. Вотъ,

напримѣръ, галки... вѣдь это совершенно уже, съ позволенія вашего, дрянъ, а тоже чувствуютъ себя недурно подъ общеою кровлею съ человѣкомъ.

Но тутъ папа замѣтилъ, что разговоръ принимаетъ острый характеръ, поспѣшилъ замять дѣло и перемѣнить тему.

— Господа, не забывайте, что благородные аисты наши гости въ данную минуту.

Только что онъ хотѣлъ продолжать, и навѣрное что нибудь удачное, какъ тутъ одинъ изъ аистовъ сталъ уже придираться.

Ему, видите, обидно показалось слово «гости».

— Какъ мы гости! вспыхнулъ онъ. Это вы здѣсь прилетные гости, а на этихъ поляхъ полные хозяева мы. — Знаете-ли вы, господа, что это все земли, принадлежащія нашему селенію?

— Не будемъ спорить, господа, поспѣшилъ Долгонось, а лучше, вполнѣ признавая права господъ аистовъ на ихъ земли, мы можемъ надѣяться, что тѣ не откажутъ намъ въ гостепріимствѣ и позволятъ мирно окончить нашъ привалъ. Не правда-ли, господа!

— О, это другое дѣло, отвѣчали разомъ, польщенные такимъ оборотомъ дѣла, аисты. Мы тоже на дняхъ собираемся въ длинный путь.

— Въ Каиръ?

— Да, можетъ быть и далѣе немного.

— По нашему слѣду, значить.

— Своею дорогою. До свиданья, господа, счастливаго пути!

— До свиданья!

Аисты вѣжливо раскланялись и улетѣли.

Когда они скрылись, папа проворчалъ имъ вслѣдъ: проваливайте! и сердито добавилъ:

— А — жаль! этимъ зазнавшимся нахамъ не мѣшало бы задать хорошую встрепку.

— Опасно! замѣтилъ Долгонось.

— Эхъ кабы я былъ здоровъ! досадливо воскликнулъ Верхоглядъ.

— Опасно, продолжалъ нашъ опытный вождь, — потому что тронь мы только этихъ молокососовъ, какъ соберется громадная стая, — и намъ пришлось бы имѣть серьезное сраженіе.

— Такъ какъ я боленъ, то весьма для насъ невыгодно, подхватилъ хвостунъ Верхоглядъ.

— Пожалуй! улыбнулся Долгонось — а, главное потому, что носы у аистовъ длиннѣе и крѣпче — это важнѣе! — И повѣрьте, друзья мои, что и для сильныхъ міра самое мудрое правило — избѣгать войны, гдѣ можно кончить дѣло, хотя бы и плохимъ миромъ. — Ну, пора въ дорогу!

Когда мы, выстроившись, поднялись довольно высоко и передъ нашими глазами развернулась чудная панорама съ далекимъ синѣющимъ горизонтомъ, и, какъ на ладони — обозначился планъ обширнаго села, со всѣми его окрестностями, мы замѣтили громадную стаю аистовъ, собравшуюся у мельницъ. Тамъ, очевидно, шли оживленные переговоры и оттуда доносились воинственные крики.

— Хорошо, что во время! сказала наша мама. Эво — сколько ихъ тамъ собралось! видимо невидимо!

Верхоглядъ, летѣвшій на этотъ разъ позади всѣхъ, теперь сталъ безпокойно оглядываться и даже поторапливать переднихъ.

Болѣзнь отнимаетъ бодрость духа, и нашъ герой сталъ немного трусить.

Незадолго до солнечнаго заката — передъ нами заблестѣла громадная рѣка, одинъ берегъ которой былъ гористъ и спускался крутымъ обрывомъ, другой же разстился совсѣмъ въ уровень съ водою, былъ покрытъ сплошь лѣсами, и въ темныхъ массахъ этихъ

лѣсовъ свѣтились безчисленные водные заливы — затоны, обрамленные густыми порослями потемнѣвшаго камыша и осины. Длинные песчаные отмели тянулись вдоль этого низменного берега, и эти отмели были оживлены стаями утокъ, дикихъ гусей, куличковъ и всякой мелкой водяной птицы.

— Днѣпръ! ребята! крикнулъ намъ папа Горланъ. Это все перелетныя собрались. Здѣсь у нихъ главное становище; — тутъ и мы спустимся на ночь и на весь слѣдующій день.

— Дневка! подтвердилъ Долгоносъ.

— Дневка, дневка!.. радостно загудѣло по всему клину и отозвалось въ другихъ, сосѣднихъ.

Х.

Боже мой! какимъ шумомъ, гамомъ, галдѣніемъ и пискомъ встрѣтило нашъ слетъ все многочисленное, временное, какъ и мы сами, населеніе одного изъ затоновъ, еще издали намѣченнаго нами для ночлега.

Здѣсь были стаи сѣрыхъ чирковъ, занявшихъ окраину камышей; на срединѣ затона плавали группами дикіе гуси, глубоко ныряя за рыбкою, между ними замѣшались черныя гагары и нырки, въ пескѣ копошились долгоногіе кулички, бойко шнырящіе по мелкимъ лужицамъ, правѣ, у старой, подгнившей, полусвалившейся ивы стояло десятка два угрюмыхъ колпицъ, съ широкими носами-лопатками, гдѣ-то дальше, въ чашѣ осоки, протяжно, словно мычаніе вола, гукали выпи... И не перечесть просто кого, кого тутъ не было.

Мы же, чтобъ не особенно беспокоить прежде насъ прибывшихъ, заняли сухую полянку, саженьхъ въ двадцати отъ воды, всю сплошь покрытую мшистыми кочками. Здѣсь росло много ежевики, превкусной

такой ягоды, и кромѣ того попадались жолуди, такъ какъ здѣсь преобладалъ лѣсъ дубовый, хотя и не очень уже рослый... Еслибы эти жолуди были не такъ тверды, право это было бы недурное блюдо... Мы попробовали, болѣе изъ любопытства, но, въ виду лучшаго, ограничились только пробой.

Съ нашей стороны можно было обзрѣвать весь затонъ и кромѣ того значительную часть самой рѣки, по которой въ данную минуту медленно плыла грузная барка съ громаднымъ бѣлымъ парусомъ... На баркѣ виднѣлись люди, но это было такъ далеко отъ насъ, что мы не беспокоились нисколько.

Часовые наши заняли мѣста очень удачно, что было весьма трудно, такъ какъ мѣстность оказалась закрытою, и количество часовыхъ пришлось значительно увеличить.

Въ эту ночь пришлось идти на стражу и мнѣ съ сестрою; той очень хотѣлось спать, но сознаніе важности поста невольно разгоняло дремоту.

Всѣ эти распоряженія и разстановки были окончены засвѣтло, и съ наступленіемъ темноты всѣ мы отлично освоились съ мѣстностью и вообще положеніемъ нашего лагеря.

Солнце сѣло, а съ его закатомъ мало по малу стихъ разнообразный говоръ и шумъ становища, и всю окрестность затянуло сплошнымъ, густымъ туманомъ, и въ этомъ туманѣ скрылись очертанія дальняго нагорнаго берега и даже темныя группы близко подступающаго къ намъ дубоваго лѣса.

Дневные голоса и звуки смѣнились новыми, не всегда понятными, полными страшной таинственности. Становилось невольно жутко на душѣ, словно предчувствовалась, какая-то неотразимо надвигающаяся на насъ, смертельная опасность.

Вѣроятно, это съ непривычки такъ мнѣ каза-

лось... Это была первая ночь моей сторожевой службы.

Сестра моя, которая торчала неподалеку отъ меня, незамѣтно, словно нечаянно пододвинулась ко мнѣ поближе.

— Развѣ можно? замѣтилъ я.

— Страшно! созналась она совершенно откровенно.

Къ полуночи туманъ сталъ рѣдѣть и надъ нашими головами вызвѣздилося темное ночное небо. Стало очень холодно.

Снова чуть обозначился противоположный берегъ и ясно протянулась покойная лента величавой рѣки.

Вдругъ я замѣтилъ, что по этой рѣкѣ беззвучно движутся какіе-то темные предметы... Какъ я ни при-сматривался къ нимъ, я ничего не могъ рассмотреть подозрительнаго: это просто были кучи хвороста и тростника, плывущіе по теченію, но откуда онѣ взялись?... Зачѣмъ онѣ плывутъ очень уже — какъ будто правильно, наконецъ и не совсѣмъ по теченію, а забираютъ какъ будто-бы наискось, какъ разъ къ стаямъ утокъ и гусей, сбившихся теперь вплотную, къ берегу...

Я тихонько посоветовался съ сестрою. — Та тоже ничего не понимала и посоветовала сходить за папою, или кѣмънибудь изъ старшихъ, сама и вызвалась.

Это было очень благоразумно! Не поднимать же сразу тревоги! Окажется послѣ вздоромъ, и поднимутъ насъ, новичковъ, на смѣхъ.

Не прошло и пяти минутъ, какъ къ намъ подошелъ папа. Онъ тоже замѣтилъ, что и я, и вглядывался теперь въ подплывающіе предметы съ явнымъ безпокойствомъ.

— Догадываюсь — пробормоталъ онъ... Тревогу!

И тотчасъ же затрубилъ самъ; часовые подхватили дружно.

Не успѣли наши голоса прогремѣть надъ соннымъ лагеремъ, какъ изъ подозрительныхъ плавающихъ кучъ вспыхнули огни, взвились дымки и оглушительно грянули выстрѣлы.

Боже что произошло!

— Охотники, охотники! раздались со всѣхъ сторонъ крики ужаса и отчаянія... Все сонное встряхнулось и съ оглушительнымъ хлопаньемъ крыльевъ ринулось къ лѣсу, въ нашу сторону.

Мы тоже поднялись высоко надъ лѣсомъ и теперь намъ было видно все ясно. Къ намъ въ затонъ, пробравшись по узенькому проливу, подплыли три лодки, ловко прикрытыя хворостомъ, въ нихъ сидѣли люди съ ружьями и теперь беспощадно палили по сплошнымъ стаямъ утокъ, въ смертельномъ страхѣ мечущимся въ разныя стороны и снова возвращающимся подъ убійственный огонь охотничьихъ ружей.

Подстрѣленные, раненыя и убитыя птицы звучно шлепались въ воду, разводя по ея поверхности окровавленные круги... утиные трупы несло по теченію и прибывало къ отмелямъ. Большой сѣрый гусь, съ подбитымъ крыломъ, наискось спускался къ лозняку—пытаясь спастись хоть въ его чащѣ; его догналъ второй выстрѣлъ, и онъ, жалобно застонавъ, перевернулся и грузно ударился всѣмъ тѣломъ о песокъ.

А беспощадные охотники все палили и палили.

Наконецъ несчастныя жертвы догадались и всѣ сплошь потянулись къ лѣсу. Огонь прекратился...

Тогда охотники стали собирать добычу и укладывать въ свои лодки.

Они всетаки далеко не могли подобрать всего, что набили: много тѣлъ унесло теченіемъ, много осталось въ осокѣ нерозысканныхъ, но и то лодки были наполнены чуть не до краевъ... Такая это была ужасная, беспощадная бойня.

Охотники причалили къ берегу и стали разводить огонь. Скоро запылало красное пламя и освѣтило ихъ фигуры и лица. Одинъ изъ нихъ сталъ ощипывать бѣднаго покойника чирка и наткнулъ его на заостренный прутикъ, другой поставилъ къ огню котелокъ съ водою... Нѣкоторые раздѣлись и начали купаться. А мы все это наблюдали, описывая въ воздухѣ, высоко надъ ихъ головами, широкіе круги.

— Дальше, дальше отсюда! слышались между нами нерѣшительные голоса.

— Куда дальше!? отозвался папа, здѣсь мы въ безопасности, а спустимся — пожалуй, опять нарвемся на худшее.

И дѣйствительно. Едва только онъ это произнесъ, какъ далеко ниже по теченію, опять слышались выстрѣлы и опять замелькали зловѣщіе огоньки.

Это новая партія атаковала другое, еще болѣе многочисленное становище переселенцевъ.

Новая кровь! Новая бойня!

Стало немного разсвѣтать.

Мы теперь подались ближе къ нагорному берегу и, высмотрѣвъ удобное мѣсто, стали потихоньку спускаться, оставивъ небольшую партію нашихъ для наблюденій надъ врагами.

А тѣ выкупались, выпили чего-то изъ длинныхъ бутылокъ, поѣли, поболтали, посмѣялись вволю... весело имъ должно быть!.. и стали усаживаться въ лодки...

Усѣвшись, они направились тоже къ нагорному берегу, гдѣ мы, теперь замѣтили, раскинулось селеніе съ церковью и красивыми фруктовыми садами. Около этого селенія, вплотную у берега стояло нѣсколько громадныхъ барокъ съ мачтами и надъ одною высилась черная труба, начавшая дымѣть довольно усердно.

Посовѣщавшись немного, мы рѣшили вернуться на прежнюю стоянку. Теперь тамъ уже совсѣмъ без-опасно, какъ объяснилъ намъ Долгоносъ. Охотники вполнѣ убѣждены, что дичь вся распугана ихъ ночью аттакою и не скоро соберется на потревожен-номъ мѣстѣ.

Мы возвратились какъ разъ передъ восходомъ солнца и съ ужасомъ смотрѣли на свѣжіе, кровавые слѣды недавняго побоища.

— Пойди-ка сюда! неожиданно подозвалъ меня отецъ. Да и ты тоже, обратился онъ къ моей сестрѣ.

Оба мы, не знаю почему, сконфузились и явились на его зовъ.

Мнѣ казалось, что я вполнѣ правильно и честно исполнилъ свой долгъ и потому совѣсть моя была покойна.

Папа отвелъ насъ незамѣтно въ сторону, такъ чтобы другіе не слышали.

— Вотъ видите, началъ онъ, — что значитъ те-рять напрасно золотое время. Еслибы вы, замѣтивъ во время подозрительные предметы, сразу, не посылая за мною, а на свою отвѣтственность подняли бы тре-вогу, то это было бы своевременно и охотники оста-лись бы съ носомъ... крови бы пролито не было... А вы все раздумывали, да соображали, да за мною посы-лали, время и ушло... дѣло вышло дрянъ!..

— Я, папа, началъ я оправдываться, — я боялся даромъ потревожить, потомъ бы надо мною насмѣшки пошли...

— И бѣды въ томъ никакой нѣтъ!.. посмѣялись бы да и перестали, а то посмотри сколько народу пере-бито, сколько теперь сиротъ и вдовъ!..

— Папа, наши всѣ цѣлы... началъ было я.

— Наши!.. передразнилъ папа, разсердившись со-вершенно неожиданно, что такое «наши». Всѣ «наши»,

всѣ одинаковы должны быть «нашими»... это люди только выдумали глупости—будто есть чужіе и наши... есть разныя породы—это правда; есть и разные интересы у породъ, сообразно ихъ свойствъ и привычекъ, а когда дѣло касается жизни и смерти, — это для всѣхъ одинаково... «наши»... ишь ты какой аристократъ!..

— Папа, вмѣшалась тутъ сестра, она какъ-то смѣлѣе спорила съ отцомъ, чѣмъ я.

— Ну, что скажешь?

— Отчего же гуси сами себя не берегли и утки тоже... Что же мы за всѣхъ должны стараться?!

— Отчего?! Они тоже стерегутъ, да не умѣютъ; у нихъ вотъ этого меньше, чѣмъ у насъ, журавлей.

Папа-легонько ткнулъ ей въ лобъ своимъ носомъ.

— А если намъ Богъ далъ лучшія способности, то мы и обязаны служить этими способностями и себѣ, и слабѣйшимъ насъ. Этимъ только мы и можемъ отблагодарить Бога, даровавшаго намъ высшія исключительныя способности... поняли!

— Поняли! сказали мы съ сестрою въ одинъ голосъ.

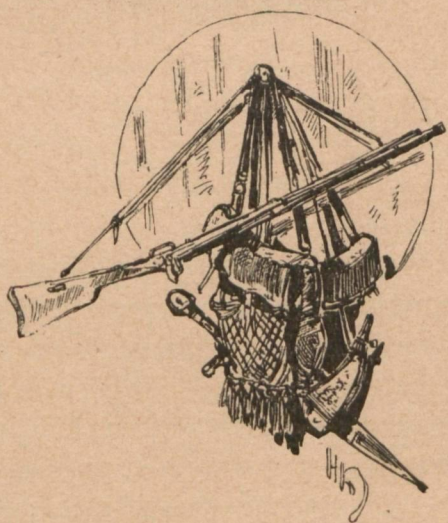
— Ну, сказала мама,—довольно ужъ имъ головы мыть! Дѣти, чай, устали на службѣ за ночь, да перетревожились; имъ бы заснуть часокъ, а ты съ нравоученіями!

— Ничего, это впредѣ пригодится, улыбнулся папа и пошелъ разыскивать Долгоноса, да кстати провѣдать больного Верхогляда, который куда-то забился и его не видать было,—должно быть за кочками, гдѣ подремать приткнулся.

До полудня насъ никто больше не тревожилъ и мы успѣли отлично выспаться.

Рѣшили сократить дневку... Впечатлѣнія кровавой
ночи разстроивали наше спокойствіе, и рѣшено было
послѣ полудня сниматься и летѣть далѣе, придержи-
ваясь пока теченія Днѣпра, вплоть, какъ рассказывали
намъ, до города Кіева, и оттуда уже предполагалось
взять немного западнѣе, по направленію къ дунай-
скимъ гирламъ.

XI.

«Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои»... ахъ, это я увлекся и заимствовалъ у другаго писателя... у кого, господа, не помните ли?..

А дѣйствительно «чуденъ Днѣпръ!..» не знаешь просто чѣмъ любоваться больше:—правымъ ли гористымъ берегомъ, гдѣ крутые склоны сползаютъ прямо въ глубину водъ, отражаясь въ нихъ своими густо поросшими лѣсами гребнями, или безконечнымъ зеленымъ просторомъ лѣваго, низменнаго, богатымъ ковромъ разстилающагося вплоть до сплошной синевы безконечной дали! И тутъ, и тамъ разбросаны живописные городки и селенія, съ бѣленькими хатками, ютящимися въ зелени садовъ, съ церквами, съ отдѣльными богатыми барскими усадьбами, съ оживленными народомъ пристанями, съ ихъ кипучею жизнью.

А по рѣкѣ, и тяжело вверхъ, и легко, словно весело, внизъ—тянутся и бѣгутъ торопливо суда, плоты

и барки, то подъ парусами, то мучительною береговою лямкою... пыхтятъ и шумятъ колесами красивые пароходы, оставляя въ воздухѣ длинные слѣды чернаго дыма... и въ этомъ дыму и, вылетая на просторъ, рѣютъ и носятся съ крикомъ бѣлыя чайки — мартынки, то задѣвая крыломъ водную поверхность, то ныряя въ глубь и вновь появляясь на свѣтъ съ серебристою блестящею — рыбкою въ клювѣ...

Тамъ и сямъ, ярко выдѣляясь въ синевѣ водъ, желтѣютъ длинныя, согрѣтыя солнцемъ, отмели, и на нихъ жизнь такъ и кипитъ, такъ и бьетъ ключемъ... Здѣсь становище рыбаковъ раскинуло свои сѣти для просушки, — тамъ смолятъ вывощенное на берегъ, пузатое днище разошедшей барки, тамъ вяжутъ безконечно длинныя плоты бревенъ, тамъ, въ тѣни обрыва, на узенькой береговой полосѣ, пріютилось отдыхающее стадо, пригнанное для водопоя... а не подалеку, красивою ярко цвѣтною гурьбою, пришли бабы и дѣти купаться, и съ веселымъ смѣхомъ плещутся въ водѣ, перекикиваясь съ проходившими мимо судами.

Круто-рогіе волю забрели въ воду, чуть только спины виднѣются, и стоятъ, молчаливо наслаждаясь прохладою, спасаясь отъ назойливыхъ осеннихъ слѣпней и оводовъ.

Тысячи ручейковъ и рѣчекъ стремительно, сбѣгая по оврагамъ, вливаютъ свои воды въ общее, гостепріимное русло, шумитъ гдѣ-то неугомонное мельничное колесо, и издалека, волною несется колокольный звонъ-благовѣсть... это съ той стороны, гдѣ чуть-чуть начинаютъ выясняться въ туманѣ группы монастырей и храмовъ колоссальнаго города...

— То Кіевъ, оповѣстилъ насъ Долгоносъ. — Давно онъ стоитъ тамъ. И дѣды, и прадѣды наши летали... да что прадѣды!.. Тысячи поколѣній журавлиныхъ

пролетали мимо, и всегда, именно здѣсь, у Кіева, немножко на западъ, — къ дунайскимъ гирламъ сворачивали.

— Старый городъ, согласился нашъ папа.

— Великолѣпный городъ! вскрикнула и моя сестра. — Только знаешь ли что? добавила она, — если бы эту рѣку, Днѣпръ вашъ, да къ тому городу, помнишь, большому такому, тоже съ множествомъ церквей и домомъ подъ золотой крышею, а ту маленькую сюда, то, пожалуй...

— Если бы тебѣ да павлиній хвостъ, перебилъ, засмѣявшись, Верхоглядъ.

Онъ сталъ поправляться и потому шутить.

— Да еще добавилъ онъ, — оленьи рога на голову, то пожалуй изъ тебя вышло... чортъ знаетъ, что изъ тебя вышло бы, а только не такая красивая, стройная журка, какъ ты сама...

Сестра хотѣла было обидиться на эту насмѣшку, но конецъ, очевидно, ей польстилъ и она кокетливо улыбнулась.

— Вѣчно съ остротами!

А между тѣмъ мы все приближались и приближались къ этому великолѣпному городу.

Расположенный на горномъ берегу, террасами спускаясь къ рѣкѣ, отражаясь въ ней, какъ въ зеркалѣ, своими разнообразными зданіями, Кіевъ поражалъ насъ своею величественною красотою. Гребни горъ, увѣнчанные монастырями, старинными храмами, съ тысячами золотыхъ и ярко-цвѣтныхъ главъ, съ тысячами причудливо-вырѣзныхъ крестовъ, такъ ясно, такъ отчетливо рисовались на голубомъ небѣ... Роскошные сады сбѣгали по склонамъ, лѣпились по карнизамъ обрыва, то развертываясь широкими площадями, то тѣнистыми аллеями, обрамливая длинныя, многолюдныя улицы.

Два желѣзныхъ моста, хитро перекинутые черезъ широкій Днѣпръ, связывали городъ съ луговою стороною; по одному изъ нихъ, съ грохотомъ и громомъ, катились желѣзнодорожные поѣзда, по другому, легко постукивая, двигались повозки и экипажи и, съ котомками за плечами, брели длинныя вереницы пѣшиходовъ. Дальше, почти сливаясь съ главною массою города, возвышались снова соборы и храмы, обнесенные тяжелыми, каменными, зубчатыми стѣнами; вдоль этихъ стѣнъ толпились несмѣтныя группы людей, тоже съ котомками, то покойно отдыхающіе въ тѣни стѣнъ, то торопливо тѣснящіеся въ темныхъ аркахъ воротъ.

Рѣзкими, черными пятнами въ пестрыхъ толпахъ выдѣлялись люди въ длинныхъ одеждахъ, въ высокихъ черныхъ клобукахъ; они расхаживали степенно, важно, и прочіе относились къ нимъ съ особою почтительностью.

Далѣе, за городомъ, правильными квадратами, бѣлѣлись палатки военного лагеря, тамъ блистало оружіе и слышались ружейные выстрѣлы, напугавшіе насъ сначала, но потомъ, когда мы замѣтили, что эти выстрѣлы къ намъ вовсе не относятся, оставлены нами скоро безъ всякаго вниманія.

Мы пролетѣли надъ этимъ лагеремъ, отвѣтили своими трубами на ихъ сигнальные рожки и трубы,—и скоро сѣрая мгла предвечерняго зноя и тучею стоящая надъ всѣмъ пространствомъ города пыль—стали затягивать какъ дымкою, чудную панораму. Мало по малу затихалъ городской шумъ, вовсе затихъ. Голубая лента Днѣпра отошла влѣво, а подъ нами разстилались снова равнины полей и межъ ними прямая, какъ стрѣла, полоса большой каменной дороги.

Должно быть, на этотъ разъ мы забрались очень высоко. Солнце еще не дошло до горизонта, мы видѣли полное очертаніе его багрово-краснаго круга, а

внизу, подъ ногами, уже сгустилась ночная тѣнь и потухли въ этой тѣни послѣднія жаркія блестки монастырскихъ крестовъ, потухъ и золотистый блескъ на поверхности Днѣпровскихъ разливовъ, чуть уже видныхъ отсюда, исчезающихъ безслѣдно въ сплошномъ туманѣ наступающей ночи.

Мы спустились опять на жнива, на совершенно открытой, удобной вполнѣ для наблюдений мѣстности, а потому для ночлега совершенно безопасной.

Заснули мы немедленно и крѣпко; такъ крѣпко, что когда я раскрылъ глаза, утрення заря успѣла уже разлиться чуть не въ полнеба и послѣднія звѣзды чуть теплились, утопая въ блескѣ наступающаго дня.

— Шестой день пути! оповѣстилъ насъ Долгоносъ... Ого! Вотъ что значитъ здоровая молодежь, не то что прошлое лѣто. Важно отмахали.

— Въ прошломъ-то году мы сюда только на девятый попали, сообщилъ папа.

— Да и то съ убылью! вздохнувъ, добавила матушка.

— Если летать съ толкомъ, вмѣшался въ разговоръ одинъ изъ старыхъ журавлей, дядя «клу-клу» — то можно весьма успѣшно путешествовать. Странно только, что мы здѣсь другихъ журавлей не встрѣтили изъ-подъ Урала, имъ-бы тоже пора здѣсь быть. Будемъ ждать, что-ли?

— А можетъ они раньше протянули... надо-бы справиться, сказалъ папа.

— А вонъ дрофы бродятъ; тѣ здѣшнія... у нихъ-бы спросить!

— Можно.

Дѣйствительно, не болѣе какъ въ верстѣ отъ насъ паслись табуномъ какія-то крупныя, тяжелыя птицы, нѣкоторыя изъ нихъ, поднявъ головы, видимо, съ любопытствомъ посматривали въ нашу сторону. Кромѣ

того по близости, шурша по жниву, копошилось стадо куропатокъ, а почти между нами довърчиво шныряли крохотныя милovidныя перепелки.

Тамъ и сямъ слышался рѣзкій свистъ, и мы замѣ-

тили какихъ-то маленькихъ, пестрыхъ звѣрьковъ — столбиками торчавшихъ на степныхъ кочкахъ... по-свиститъ и спрячется, вновь покажется, станетъ надыбки свиснетъ и юркнетъ въ норку.

— Эко нынче сусликовъ, что здѣсь, замѣтилъ дядя «клу-клу», то-то хлѣбу отъ нихъ здорово досталось!

Папа съ двумя журавлями полетѣлъ къ дрофамъ наводить справки, а мы мирно паслись, разговаривая о томъ и семъ, какъ изъ небольшой лощины появился страшный, сѣрый звѣрь, робко оглянувшійся направо и налево и медленною, лѣнливою рысью побѣжалъ черезъ поля; по его торчащимъ ушамъ, по злымъ, на-

литымъ кровью глазамъ и по озлобленно оскаленному рту мы узнали волка. Животное должно быть очень устало, языкъ вывалился на сторону и густая пѣна валила изо рта, хвостъ былъ опущенъ и чуть не волочился по землѣ.

— Удирать! мелькнуло у насъ въ головахъ... но тотчасъ-же мы сообразили, что не стоитъ. Волку было не до насъ. Онъ злобно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, трусливо оглядывался назадъ и наконецъ пріостановился и припалъ къ густо-поросшей бурьяномъ межѣ, тяжело дыша и зализывая себѣ заднюю лапу.

Тутъ мы замѣтили вдали еще нѣсколько точекъ, болѣе опасныхъ для насъ, чѣмъ этотъ четвероногій хищникъ. Это были два всадника, шагомъ ѣхавшіе не сюда, а какъ будто-бы въ сторону, у каждаго на веревкахъ были по двѣ тощихъ собаки, за спиной у одного блестѣло что-то металлическое.

— Не ружье-ли?! подумали мы.

— Нѣтъ, рожокъ, словно угадалъ нашу мысль Долгоносъ. Этихъ бояться нечего... намъ — то-есть нечего, а тому подлецу плохо придется.

Такимъ нелестнымъ эпитетомъ нашъ предводитель обозвалъ спрятавшагося въ межѣ, измученнаго долгою погонею, волка.

— Не замѣтятъ они... Богъ дастъ, предположилъ я.

— Замѣтили уже. Вишь ты хитрятъ... стороною забираютъ, все правѣе да правѣе. Туда-то ему податься некуда, такъ съ той стороны отхватываютъ.

Тутъ мы увидѣли, что дѣйствительно некуда: изъ-за складки мѣстности, словно изъ подъ земли, еще вынырнуло двое верховыхъ и рысью подвигались впередъ... тоже съ собаками на своркахъ.

Замѣтилъ этихъ новыхъ и волкъ и, выбравшись изъ межи, ходкою рысью, даже въ прискачку, пошелъ наутекъ; хотѣлъ было назадъ, въ балку, да тамъ уже двое первыхъ выѣхали, увидали звѣря и, спустивъ собакъ, понеслись во весь духъ, щелкая арапниками.

Мы были насторожѣ, но не улетали... очень уже интересно было посмотрѣть, чѣмъ кончится дѣло.

Волкъ метнулся въ сторону и понесся, какъ стрѣла. Струйка сѣрой пыли выдавала его въ бурьянѣ, обозначающая дорогу... а тамъ ему наперерѣзъ неслись новые преслѣдователи.

Первая пара собакъ налетѣла на звѣря, сшиблись... какая-то собака громко завизжала и отскочила прочь. Волкъ вырвался и опять надалъ ходу, значительно опередивъ собакъ, круто повернулъ въ сторону.

— Уйдетъ... Слава Богу! вскрикнула сестра.

— Уйдетъ—уйдетъ! обрадовались и мы.

Но тутъ мы вспомнили корову съ телянкомъ и въ наши сердца закралось злое чувство хотя и заслуженной мести.

Дѣйствительно волку приходилось плохо: одна изъ собакъ, самая крупная, которая съ острою вытянутою мордою, съ роскошной бѣлой бахромою на сильныхъ ногахъ, какъ молнія, вынеслась впередъ... волкъ припалъ и собака пронеслась надъ нимъ мимо; бѣдный хищникъ присѣлъ и зашелкалъ зубами, потомъ стремительно рванулся опять въ сторону—опять, собравъ послѣднія усилія, заскакалъ, уже вдоль межи... свѣжая собака вся черная, какъ смоль, легкая и красивая, наскочила на него и вцѣпилась въ ухо. Первая оправи-лась и со всего размаха ударила волка грудью въ

бокъ. Всѣ трое, съ дикимъ воемъ, покатились по пересохшей, кочковатой почвѣ жнива. Еще подоспѣли собаки... Наконецъ одинъ изъ всадниковъ подскакалъ въ плотную, быстро спрыгнулъ на землю и выхватилъ изъ-за пояса ножъ.

Что-то произошло ужасное! Человѣкъ, собаки, звѣрь—все слилось въ одну безобразную кучу... Раздался раздирающій душу вой,—и все стихло разомъ.

— Го-го-го! заоралъ во все горло человѣкъ, поднявшись на ноги и вытирая окровавленное желѣзо ножа.

— Го-го-го! отвѣчали, подскакивая къ мѣсту боя, остальные всадники. Несчастный волкъ корчился въ послѣднихъ судорогахъ, растянутый крестомъ замершими въ схваткѣ собаками.

Поѣхали охотники дальше и увезли съ собою волчье тѣло. Вернулся и папа изъ гостей, отъ дрофъ; говоритъ, что дрофы не видали до сихъ поръ журавлей; мы, молъ, первыя прилетѣли за эту осень, но что молъ слухъ пошелъ, будто скоро должны пожаловать... голуби дикіе пролетали, они видѣли третьяго дня.

— Видѣли, такъ видѣли!.. А тутъ что было? справился папа.

— Да, волка травили. Вонъ поволокли.

— Ловко!

— А что, дѣдушка, припомнила тутъ сестрица:— что это было: разбой или промыселъ?

— Ахъ ты шустрая! ухмыльнулся дѣдъ Долгоносъ: припомнилъ къ чему рѣчь идетъ.

— Это видишь ты, если хочешь, промыселъ... а скорѣе заслуженная казнь за разбой и воровство «со взломомъ», то бишь, я хотѣлъ сказать, съ перекусываніемъ глотки. Казнь жестокая, но заслуженная вполнѣ.

— Брр... какъ страшно!

— Съ непривычки! презрительно произнесъ Верхо-

глядѣ.—Я разъ въ Египтѣ видѣлъ: люди казнили людей-же. Это были бѣлые люди, одѣтые съ ногъ до головы, а казнили они черныхъ людей совсѣмъ голыхъ... а потомъ въ другомъ мѣстѣ — я видѣлъ черныхъ людей, голыхъ, которые казнили бѣлыхъ, одѣтыхъ. Вотъ это такъ, по истинѣ, было ужасное зрѣлище!

— За что же они казнили? любопытствовало нѣсколько голосовъ разомъ.

— Должно быть за дѣло. Я только не могъ узнать за какое именно.

— Ну, что вздоръ болтать, дѣтей на ночь тревожить, перебила матушка. — Великій грѣхъ передъ Богомъ, пролитіе крови... у насъ, слава Богу, у журавлей, этого не водится.

— А у аистовъ есть! замѣтилъ Верхоглядъ... я видѣлъ.

— У людей научились! отрѣзала мама. — Больно уже сжились вмѣстѣ!

— У дрофъ вотъ, началъ рассказывать папа, вчера подъ вечеръ тоже бѣда большая приключилась.

— Что такое?

— Да подстрѣлили у нихъ охотники четыре штуки... и какъ, подумаешь, хитро дѣло устроили. Вотъ, правду говорятъ: «вѣкъ живи—вѣкъ учись»:— свернули къ нимъ съ дороги два воза съ соломою.—Ну, думаютъ дрофы, это не бѣда, не опасно! а не тутъ-то было. Ёдутъ возы мимо, тѣ глядятъ, какъ дуры, бѣды не чуютъ. Проѣхали, близко-близко, и пошли кругъ загибать. Да уже съ другой стороны выскочилъ изъ-подъ соломы охотникъ и выпалилъ. Далеко,—не попалъ! Дрофы снялись, да низкомъ, низкомъ, а съ воевъ-то раньше двое соскочили и залегли въ бурьянѣ, дрофы ихъ сперва не замѣтили. Пошли птицы на утекъ, да на залегшихъ этихъ и налетѣли. Хлопъ, да хлопъ... готово! Теперь, говорятъ, будемъ осторожнѣе.

С СЕВІРА НАЮГ

— Осторожная птица тоже, замѣтилъ Долгоносъ, да проста больно, забывчива.

— Я разъ такъ спасъ цѣлое стадо, вмѣшался Верхоглядъ.—Тоже при мнѣ заѣзжали этакъ, я замѣтилъ, да и кричу дрофамъ: берегись! Не туда! Сюда! Слава Богу, послушались.

— Эхъ у тебя на всякій случай своя исторія! замѣялся Долгоносъ.—Ну, ладно! если и не было этого, то во всякомъ случаѣ могло-бы быть и очень похвально... Молодчина!

— Что-же тутъ неправдоподобнаго! обидѣлся слегка Верхоглядъ.—Я, право, не понимаю!.. Вотъ, напри-мѣръ, хотите вѣрить—хотите нѣтъ, мнѣ все равно, но со мною былъ однажды такой случай: подкрался я разъ къ охотнику, тотъ спалъ крѣпко... Должно быть былъ пьянъ, потому что около него валялась пустая бочка отъ водки. Вижу—лежитъ заряженное ружье. Думаю:—прекрасно! Я сейчасъ это ружье—хватъ!—и поднялся съ нимъ на воздухъ... Тяжело-ли мнѣ показалось, неловко-ли я взялъ, только вздумалъ перехватить на лету поудобнѣе—въ эту минуту ружье выстрѣлило само собою... Это бы еще ничего, но, подумайте:—какъ разъ мимо летѣлъ громадный орель и несъ въ когтяхъ куропатку—зарядъ попалъ прямо ему въ голову.—Тотъ крикнулъ, перевернулся и кубаремъ полетѣлъ на землю, да такъ хлопнулся, что даже перья врозь полетѣли... Спустился я тоже... а куропатка жива!.. Протягиваетъ мнѣ лапку и говоритъ: «Благодарю, мой благородный избавитель.—Благодарю!.. Вы спасли мать ста двадцати семи дѣтей».

Что же!.. Смотрю: — выбѣгаетъ изъ травы цѣлая туча; дѣйствительно, я сосчиталъ сто двадцать семь штукъ... и всѣ пицать: «благодаримъ, благодаримъ». Я былъ тронутъ до слезъ — говорю имъ: будьте счастливы, а я исполнилъ только мой долгъ...

— Ахъ ты забавникъ! расхохотался во все горло папа...—Право! съ нимъ не пропадешь со скуки...

— Правда? серьезно посмотрѣла въ глаза рассказика моя сестрица.

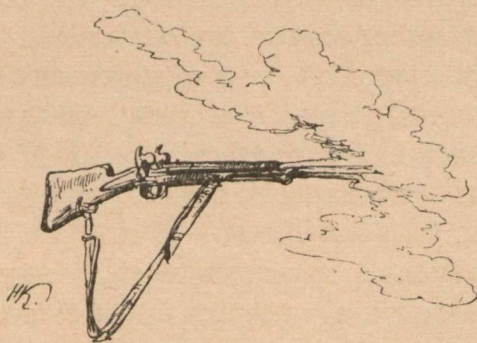
— Развѣ же я когда-нибудь лгу... развѣ я способенъ...

— Ну, спасибо!..

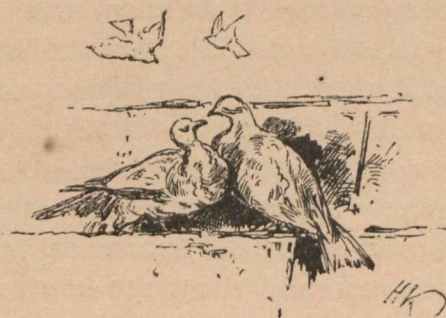
И сестра моя нѣжно пощекотала у него подъ крыломъ своимъ носикомъ.

Маменька многозначительно проговорила — гм! и покосилась на папеньку. А папенька тоже повторилъ два раза гм, гм! и при этомъ добавилъ вполголоса, но довольно громко:

— Блажь!

ХІІ.

Дѣйствительно. Голуби не солгали. Не успѣли мы перекочевать на нашихъ поляхъ, какъ около разсвѣта послышался знакомый намъ родной свистъ и шумъ могучихъ крыльевъ и громадная новая стая журавлей спустилась, не смѣшиваясь, однако, съ нами.

Съ ихъ стороны сейчасъ же отдѣлилось нѣсколько, должно быть, старшихъ, и на встрѣчу имъ важно выступили наши. Долгоносъ и папа, конечно, первые, Верхоглядъ тоже пристроился.

Оказалось, что это еще подѣ Москвою соединившіяся партіи съ рѣки Камы — и съ Урала — той же, что и мы породы... оказались даже кое-кто изъ старыхъ знакомыхъ, по прежнимъ совмѣстнымъ перелетамъ. Особенно у нашего дѣда Долгоноса... Одинъ изъ прибывшихъ, старый престарѣлый журавль, даже поцѣловался съ нашимъ старикомъ и ради встрѣчи потанцовали вмѣстѣ крыло съ крыломъ... оба хорошо, даже очень хорошо, но, все-таки нашъ пограціознѣе...

Дѣдушка познакомилъ своего стараго друга съ папою и мамою, — назвавъ того... «Мудрымъ крыломахомъ».

— Мы древнѣйшіе друзья съ мудрѣйшимъ Долгоносомъ, вѣжливо раскланялся предводитель Камскоуральскаго журавлинаго воинства.

— Да, старикъ! сколько мы съ тобою и горестей, и радостей извѣдали, заговорилъ нашъ дѣдушка.

— Да — пожили! вздохнулъ тотъ... — Какая у васъ молодежь, прекрасная, сытая! и какъ сохранены хорошо въ дорогѣ... Да, съ такимъ вождемъ хорошо живется...

— Ну и твои тоже въ блестящемъ порядкѣ... Вотъ молодецъ-то водить... Куда мнѣ!

— Ну, полно! скромничаешь!

— Нѣтъ... право... А что безъ потерь?

— Не скажу... на третьемъ перегонѣ... покормились чего то и двое покончились изъ молодыхъ, да одинъ трехлѣтокъ подъ выстрѣлъ подвернулся.

— Ай! ай! ай! какъ же это?

— Да очень просто... Пулей, на очень далекомъ разстояніи... Мы и подозрѣвать не могли... Нынче у людей завелись ружья, которыя положительно сбиваютъ всѣ наши расчеты...

Поразговорились старики, а за ними и мы, молодежь, перезнакомились очень скоро, и дружескій, веселый говоръ охватилъ все громадное пространство, теперь, дѣйствительно, несмѣтнаго журавлинаго становища.

Такъ какъ новоприбывшіе летѣли всю ночь, то имъ надо было дать отдохнуть этотъ день, а заодно и мы рѣшили остаться для совмѣстнаго полета далѣе.

Это былъ день счастливый... ни насъ, никого другого люди не беспокоили, носились, правда, въ воздухѣ

два-три орла и съ десятокъ ястребовъ, но спускаться не посмѣли бы, въ виду такой силы.

Нашъ Верхоглядъ все время держался между чужими — онъ имъ тамъ, должно быть, повторялъ свои необыкновенныя исторіи... Сестрѣ это показалось обидно немного... Къ вечеру, однако, раскащикъ вернулся и зато уже до заката солнца держался около насъ, танцевалъ въ нашемъ кругу и самъ вызвался на часы, въ смѣну нашего треугольника.

Разсчетъ по клиньямъ, впрочемъ, не измѣнился.

До разсвѣта, бодрые, вполне сытые и отдохнувшіе какъ слѣдуетъ, мы тронулись въ путь. Это было очень интересное, даже величественное зрѣлище. Даже люди на проѣзжей дорогѣ останавливались, и изъ подъ руки глядѣли вверхъ, какъ треугольникъ за треугольникомъ, стройно и плавно, послѣдовательно отдѣлялся отъ желтосѣрыхъ полей и вытягивался, занимая чуть не полъ неба.

Хоръ нашихъ трубъ рѣзко проносился, звеня въ свѣжемъ, будто немного морозномъ, утреннемъ воздухѣ. Но голосъ нашего папа Горлана былъ слышнѣе всѣхъ... Дрофы тоже собирались къ отлету и поглядывали на насъ, очевидно, съ затаенною завистью... Куда имъ за нами!

Въ этотъ день намъ пришлось летѣть надъ горящими лѣсами.

Боже! какое это печальное зрѣлище!

Пожаръ охватилъ громадное пространство и шелъ низомъ, стелясь по самой землѣ; изрѣдка только, охваченное огнемъ высохшее дерево вспыхивало разомъ, красивымъ огненнымъ столбомъ, — и медленно догорало, судорожно извиваясь своими сучьями... зловѣщій трескъ и гулъ пламени разносились далеко... Тучи искръ и головешекъ неслись неудержимо по вѣтру и густые

столбы черного смолистаго дыма тянулись далеко, заражая воздухъ удушьемъ и смрадомъ.

Сколько здѣсь гибло бѣдныхъ маленькихъ звѣрьковъ, сколько крохотныхъ птичекъ, задыхаясь въ дыму, не въ силахъ были улетѣть и падали внизъ, въ это море всепожирющаго пламени...

Въ одномъ мѣстѣ запылало небольшое дерево у опушки... Тамъ слышались крики тревоги и зовъ на помощь. Гдѣ-то за дымомъ — учащенно звонилъ колокольный набатъ... Сотни людей, какъ муравьи, копошились дальше, окапывая канавами подходы пожара къ другой деревнѣ, изъ домовъ которой торопливо вывозилось разное имущество.

Мы должны были описать большой кругъ стороною, чтобы не задохнуться самимъ въ этомъ дыму, но тяжелый запахъ гари насъ преслѣдовалъ до самой ночи, да и на другой день еще непріятно щекотало въ носу, и въ воздухѣ стоялъ синеватый, сухой туманъ, преслѣдовавшій насъ чуть не до полудня, до широкихъ степныхъ пространствъ, смѣнившись только что нами покинутыя лѣсныя мѣстности.

Выжженная за лѣто солнцемъ, изрѣзанная кое-гдѣ балками (оврагами), рѣдко населенная, почти безжизненная степь не представляла собою ничего особенно привлекательнаго.

Кое-гдѣ, только по склонамъ балокъ, бѣлѣлись хохлацкія хатки, желтѣлись хлѣбныя скирды и пылили проѣзжія дороги... Мѣстами виднѣлись оригинальнаго вида колодцы, на которые Верхоглядъ указалъ намъ съ громкимъ хохотомъ.

— Это мы... не правда ли — очень похоже?!

— Какъ мы?..

— Колодцы эти называются журавлями... Ха, ха, ха!.. Ну, скажите по правдѣ: — напоминаетъ ли это насъ хоть сколько нибудь... жалкая породія...

Впрочемъ, я не совсѣмъ согласенъ съ Верхоглядомъ... Когда такой колодець начинаетъ клевать, словно носомъ, добывая воду, то есть какое-то подобіе птицы... не журавля, конечно, но, пожалуй, аиста или цапли, — во всякомъ случаѣ презабавно!

Около такихъ колодцевъ съ жалобнымъ блеяніемъ толпились громадныя стада овецъ, — атары, какъ ихъ здѣсь называютъ, и громко ругались чумазы пастухи, съ длинными крюками въ рукахъ.

Попадались намъ также и бакчи, — поля, засѣяныя арбузами и дынями... Цѣпляясь и путаясь между собою, по сырой растрескавшейся почвѣ, ползли, переплетаясь, сухіе, тонкіе стебли, а на нихъ, грузно, лоснясь на солнцѣ — лежали темно-зеленые, желтые и почти бѣлые, тяжелые шары, «ткнуть носомъ въ которые весьма пріятно», какъ замѣтилъ нашъ папа.

— Это мы попробуемъ, современемъ, общалъ Долгоносъ — можетъ быть даже на первомъ ночлегѣ.

Дѣйствительно, одна изъ такихъ бакчей оказалась по близости нашей остановки, и мы привели въ исполненіе обѣщанное дѣдушкою.

Вкусно и сладко; но больше годится для утоленія жажды, чѣмъ для настоящаго насыщенія. Дыни все-таки солиднѣе.

Мы пролетали много городовъ и городковъ, большихъ и маленькихъ селеній, видѣли въ сторонѣ синѣющія горы, но очень далеко и, наконецъ, на третій день отъ Кіева папа указалъ намъ впередъ, рекомендуя присматриваться хорошенько.

А впереди синѣлось необъятное водяное пространство, съ которымъ сливалась, громаднымъ треугольникомъ, болотистая, заросшая камышами — мѣстность, вся изрѣзанная широкими и узкими водяными протоками.

— Дунайскія гирла! сообщилъ дѣдушка Долгоносъ...

— Прекрасная страна для насъ, голенастыхъ, и вообще для птицъ, не имѣющихъ къ водѣ особаго отвращенія.

— А это? спросилъ я, указывая на темносинюю полосу на горизонтѣ, откуда несся какой-то особенный звукъ, не похожій ни на шумъ городовъ, ни на гулъ далекаго вѣтра, ни на что, болѣе или менѣе, намъ знакомое.

— Это Черное море.

— А, а!.. протянула молодежь въ отвѣтъ.

И мы всѣ посматривали туда, на эту синюю далекую полосу — съ чувствомъ благоговѣнія, и даже не безъ страха... Море... это значитъ, такое громадное пространство воды, перелетѣть которое нельзя, не надѣясь на свои могучія крылья... ослабѣютъ — и булдыхъ!.. Погибель вѣрная!.. Мало того, что потонешь, а то еще живьемъ слопаетъ тебя какая-нибудь громадная рыба, какъ рассказываетъ маменька... «Да черезъ все то море и не перелетѣть намъ — журавлямъ... Мы вѣдь, больше стороночкою, ближе къ берегамъ всегда придерживаемся»...

А дѣйствительно, хорошо и привольно въ Дунайскихъ гирляхъ! и какое множество разной перелетной птицы здѣсь собирается! — Это, что мы видѣли на Днѣпровскихъ затокахъ — это что!.. Пустяки! — Тутъ

мы увидѣли такія несмѣтныя сборища, что тогда только поняли выгоду летѣть большимъ народомъ... Просто потеряться можно!..

Въ гирлахъ мы познакомились въ первый разъ съ пеликанами. — Великолѣпныя, крупныя птицы — розовато-бѣлаго цвѣта, съ громадными носами и съ глубокими мѣшками подъ нижнимъ клювомъ... Они заняты были рыбной ловлею, а рыбы, мимоходомъ замѣтить, здѣсь множество. Ловъ былъ удачный и обильный... Пеликаны глотали усердно и про запасъ набивали свои мѣшки, которые отвисли таки порядочно... угрюмыя птицы не особенно охотно вступали съ нами въ разговоры, больше отмалчивались; зато красавцы-лебеди, величественно поставивъ парусомъ свои роскошныя крылья, плавали, придерживаясь открытыхъ водныхъ пространствъ, ныряли, встряхивались и весело болтали, перекликаясь съ нами, занявшими береговую полосу.

Въ одномъ мѣстѣ десятка три цапель затѣяли было съ нами ссору изъ за мѣста, но уступили передъ превосходствомъ силъ, не доходя до драки.

Недовольно ворча, они тяжело снялись, и, некрасиво оттопыривъ ноги, лѣниво полетѣли искать новаго мѣста.

Мы заняли одинъ изъ острововъ временно, просто для легкаго отдыха; кормиться намъ, журавлямъ, здѣсь было нечѣмъ — до рыбы мы не охотники! — Но еще было свѣтло, и отлетать на покормку, на материкъ, гдѣ виднѣлись кукурузныя поля, было не безопасно... Поля эти очень уже близко примыкали къ небольшому селенію, да вдобавокъ были еще огорожены плетнемъ. Мы предполагали пользоваться ими ночью и то не всѣ разомъ, а небольшими партіями.

Вообще, несмотря на роскошь природы и на видимое довольство обитателей, добываніе пищи все становилось труднѣе и труднѣе.

— Это общее правило, друзья мои, замѣтилъ папа, чѣмъ у людей всего больше, тѣмъ они скупѣе ста-

новятся и ревнивѣе охраняютъ свое добро. Впрочемъ, они правы! Вообще я васъ предупреждаю, чтобы вы отсюда не особенно рассчитывали на сытые и вкусные обѣды. И этотъ постъ протянется вплоть до устья Нила. Тамъ опять пойдутъ мѣста сытыя и привольныя...

— Развѣ уже близко?... спросила сестра.

Она услышала слово «Ниль», а объ этой сказочной рѣкѣ такъ много говорилось во время пути, — что одно названіе уже производило иллюзію. Въ словѣ «Ниль» звучало что-то необыкновенно величественное и таинственное...

— Не особенно близко! отвѣчала папа, — но въ виду малокормицы мы будемъ летѣть усиленными перелетами, а потому дня черезъ три, много четыре, увидимъ и Ниль, и мертвыя песчанныя пустыни... и пирамиды, и обелиски, и сфинксы и многое другое, такое интересное, что я потому только не рассказываю вамъ впередъ, чтобы не портить вашихъ будущихъ впечатлѣній... Вообще забѣгать впередъ и предварять событій не слѣдуетъ.

Когда стемнѣло, полетѣла въ кукурузу первая партія, и скоро вернулась совершенно благополучно, плотно поужинавъ. Наша очередь была шестая.

Хотя насъ и смущали немного яркіе огни въ окнахъ сосѣдняго дома и громкій говоръ, почему то не спящаго народа, но голодъ не шутка, и мы торопливо набивали себѣ зобы, — долбя носомъ тяжелыя сухія початки и выщелушивая оттуда превосходныя, мучнистыя зерна...

— А все-таки горохъ лучше! замѣтила лакомка сестра.

— Недурно и это, рѣшилъ я, наскоро глотая.

А Верхоглядъ, который, познакомившись съ сестрою, пристроился, съ позволенія папа, къ нашему клину, но подъ условіемъ строгаго повиновенія, — усердно возился около одного изъ стеблей, силясь оторвать цѣлый громаднѣйшій початокъ.

— Не жадничай! шепнулъ ему кто-то изъ сосѣдей.

— Не для себя! подмигнулъ Верхоглядъ — и, наконецъ таки, справился.

Мы разговаривали тихо и вообще старались не обращать на себя вниманіе людей, но собакъ мы не перехитрили... Тѣ нѣсколько разъ набѣгали на насъ съ свирѣпымъ лаемъ и заставляли насъ сниматься, и, на время, пока все успокоится, отлетать въ сторону.

Едва только мы слышали шумъ крыльевъ новой, седьмой очереди, мы тотчасъ же уступили мѣсто и, собравшись въ порядокъ, — вернулись на островъ... Строгій порядокъ, — залогъ успѣха, особенно не дома, а на чужой сторонѣ, да еще въ такомъ многочисленномъ собраніи.

А ночь была длинная, темная, претемная, и на небѣ ярко горѣли безчисленныя звѣзды... Млечный путь разсѣкалъ небосводъ — такъ рѣзко, такъ опредѣленно, какъ никогда я не видѣлъ до сихъ поръ — и тревожный гулъ недалекаго моря доносился до насъ еще громче: слышны были даже всплески и глухіе удары волнъ, разбивающихся о песчаное побережье.

XIII.

Такъ вотъ оно, — это самое море!

Сливаясь съ горизонтомъ, разстилось необъятное, волнующееся, темносинее водное пространство и рокотало глухо, будто сердилось на насъ, осмѣлившихся такъ дерзко летѣть надъ его пучинами.

Бѣлыя чайки маленькія и громадныя, словно орлы, носились надъ поверхностью моря, много ниже насъ, прорѣзывая пѣнистые гребни волнъ, ныряя въ глубь, оглашая воздухъ рѣзкими, гортанными криками.

Въ волнахъ рѣзвились, кувыркаясь и выскакивая наружу черные, лоснящіеся дельфины, гоняясь за рыбою... Въ воздухѣ было прохладно и чувствовался особенный запахъ — свойственный только соленымъ водамъ. По небу быстро бѣжали разрозненные облака, предвѣщая болѣе сильный вѣтеръ; съ востока, на самомъ горизонтѣ, поднималось что-то грозное, обѣщая къ полудню не шуточную бурю...

Правѣе — чуть виднѣлась узенькая полоска берега,

едва замѣтными точками бѣлѣлись маяки... одинъ — другой, третій... едва обрисовывались въ синевѣ тумана — очертанія какой-то крѣпости... Это мы покидали устья Дуная — его оживленныя гирла. Длинная лента чернаго дыма указывала, что тамъ идетъ пароходъ, почти подъ нами, накренившись на бокъ, поставивъ бѣлые паруса, тяжело качался большой трехмачтовый корабль, словно не двигался впередъ, а стоялъ на одномъ мѣстѣ... Вотъ тамъ еще видны паруса и еще... вонъ опять султаны пароходнаго дыма; тамъ дальше этотъ дымъ слился въ цѣлое облако... Мы летимъ, быстро обгоняя парусные корабли, обгоняя сравнительно быстро идущіе пароходы...

Мы значительно сокращали путь, не слѣдуя за изгибами берега, и скоро замѣтили впереди, немного правѣе, синеватые гребни высокихъ горъ, частью окутанные облаками...

— Это балканскіе кряжи! поясняли намъ, молодежи, бывалые.

Вонъ видѣнъ городъ — у самаго моря... Большой городъ съ высокими церквами и башнями, инаго совсѣмъ вида чѣмъ тѣ, что мы видѣли раньше. Вонъ опять, словно бѣлая иголка, торчитъ маякъ; вонъ длинныя тонкія линіи далеко выдвинутыхъ въ морѣ каменныхъ стѣнокъ... Множество кораблей за ними, словно цѣлый лѣсъ мачтъ и парусовъ... Тутъ подъ нами море бурлитъ и шумитъ, волны все растутъ и растутъ, сердито набѣгая, сердито толкая и дробя одна другую, а тамъ, за этими стѣнками гладко, тихо, покойно, чуть покачиваются укрывшіеся тамъ корабли и межъ ними, направляясь къ пристанямъ набережныхъ, взадъ и впередъ шныряютъ тысячи маленькихъ лодокъ съ ящиками, бочками и людьми въ бѣлыхъ чалмахъ и красныхъ фескахъ.

— Варна! говоритъ Долгоносъ. — За нею мы свернемъ къ берегу, и тамъ есть хорошее мѣстечко для легкой передышки.

Не мѣшало бы! Не знаю отчего, но перелетъ этотъ казался мнѣ, да и всѣмъ намъ гораздо болѣе утомительнымъ. Верхоглядъ объяснялъ это сильнымъ вѣтромъ, положимъ — хоть и дувшимъ намъ не навстрѣчу, а все-таки сильно затруднявшимъ наше движеніе... Дѣйствительно, теперь замѣтно, что насъ невольно, вопреки нашего желанія, сноситъ все правѣе и правѣе, — что вовсе не входило въ наши расчеты. Еслибы дѣло было вначалѣ путешествія, то, пожалуй, мы бы и не справились, но теперь мы такъ втянулись въ походъ, такъ развилась сила взмаха нашихъ крыльевъ, что мы ничѣмъ не рисковали, особенно имѣя ввиду спасительную линію матерого берега.

Пролетѣвъ Варну, наши треугольники раздѣлились и направились, немного расходясь, вѣромъ, къ берегамъ. Это сдѣлано было въ виду густой населенности здѣшней страны, гдѣ очень трудно было найти пастбище для такого большого сборища, чтобы не очень обращать на себя вниманіе людей, да и вообще кого бы то ни было; а тѣмъ болѣе, что до ночи, до ея спасительнаго мрака было еще довольно далеко, — и мы спускались единственно ради отдыха крыльевъ, достаточно притомленныхъ борьбою съ воздушными теченіями.

Наши спустились на совершенно голомъ полусклонѣ горъ, недалеко отъ линіи желѣзной дороги, по которой, гремя и тяжело вздыхая, катился длинный поѣздъ, направляясь къ городу... Обозъ съ двухколесными скрипучими арба-

нистой дорогѣ,—пересѣкая желѣзную... Ближе къ намъ бродило маленькое стадо козъ, позванивая бубенчиками, подъ надзоромъ дѣвочки, съ вѣнкомъ изъ красныхъ цвѣтовъ на черноволосой головкѣ, сидящей бокомъ на сѣромъ ушастомъ осликѣ, мирно щипавшимъ засохшую, жесткую травку.

Нельзя сказать, чтобы мы были очень голодны, но аппетитъ все-таки начиналъ нѣсколько разыгрываться, а кушать было положительно нечего. Папа уже предполагалъ распорядиться посылкою развѣдочныхъ партій.

— Это вамъ, моя барышня! Подошелъ Верхоглядъ къ моей сестрѣ и положилъ къ ея ногамъ отличный полный початокъ созрѣвшей кукурузы.

Это онъ еще съ Дунайскихъ гирлъ захватилъ его съ собою и тащилъ всю дорогу.

— Это вамъ... кушайте на доброе здоровье!..

Сестра сконфузилась, но не отказалась, — а мама снисходительно улыбнулась и замѣтила, обращаясь къ папѣ:

— Хвалю... Обѣщаетъ быть мужемъ заботливымъ и распорядительнымъ.

— Да, только бы остепенился немного, согласился папа.

Сестра сдѣлала видъ, что не слышитъ этихъ разговоровъ и, кокетливо тыкая носомъ въ початокъ, принялась растрепливать свой подарокъ, чтобы всѣмъ досталось изъ него хотя по нѣскольку зернушекъ.

— Кушайте и вы, предложила она Верхогляду, — иначе я ѣсть не стану.

— Извольте-съ, подскочилъ тотъ и осторожно клюнулъ самъ, выбравъ при этомъ самое крохотное, невзрачное зернышко.

Все это было очень трогательно и мнѣ стало завидно, почему это я самъ жралъ — жралъ, а не до-

гадался приберечь про запасъ, чтобы имѣть возможность тоже угостить кого-нибудь въ свою очередь — ну, хоть маму, напимѣрь, или даже самого папашу.

Но, признаться сказать, я не думалъ въ эту минуту ни о мамѣ, ни о папашѣ... Та журка, которая мнѣ пришла въ эту минуту въ голову, принадлежала не къ нашему треугольнику, да и не съ нашихъ болотъ; я замѣтилъ ее въ тотъ самый день, когда мы соединились съ уральскими клиньями, и она теперь гдѣ-нибудь далеко, — гдѣ именно, неизвѣстно. Меня только ободряла надежда, что въ устьяхъ Нила, какъ намъ обѣщано, мы должны опять соединиться въ общую группу... и тогда... тогда... О, тогда я буду умнѣе и, конечно, не хуже этого нахала Верхогляда, съумѣю быть пріятнымъ и даже привлекательнымъ.

Съ надеждою и вѣрою въ будущее, я такъ принялся за предложенное угощеніе, что даже увлекся немного и дождался таки, что сестра толкнула меня въ бокъ, укоризненно произнося:

— Довольно!.. Ахъ ты маленькій обжора!

— Пускай кушаетъ, мальчикъ, снисходительно вступился за меня Верхоглядъ. — Дѣти всегда обладаютъ усиленнымъ аппетитомъ.

Звучала ли насмѣшка въ его голосѣ, искренно ли онъ отнесся ко мнѣ, я не сообразилъ, но такъ вспылить за это непрошенное заступничество, что чуть было не затѣялъ драку.

Развѣдчики вернулись сообщить, что есть неподалеку небольшой виноградникъ, но тамъ теперь усиленно работаютъ люди, и подступиться къ нему ни съ какой стороны невозможно, но что воробьи рассказывали, будто верстахъ въ двухъ, — на рѣчкѣ, есть конопляники, а за ними тянутся болгарскіе огороды, съ бобами и чечевицею, и что селеніе къ этимъ огородамъ примыкаетъ задами домовъ, а потому, —

подобравшись съ вечера, ночью можно закусить какъ слѣдуетъ.

Рѣшено подождать ночи.

Снялись мы еще засвѣтло и въ разбродъ, чтобы не возбуждать подозрѣнія, — полетѣли по направленію, указанному развѣдчиками.

Скоро мы добрались до коноплянниковъ и изъ за ихъ густыхъ кудрявыхъ вершинъ замѣтили черепичныя крыши болгарскихъ домиковъ и бѣлую колонну минарета. Что насъ поразило не совсѣмъ пріятно — это обиліе косматыхъ аистовыхъ гнѣздъ на всѣхъ крышахъ; — цѣлая шайка этихъ гнѣздъ на минаретѣ и даже на всѣхъ высокихъ крестахъ кладбища; поодаль, и на окружающихъ это кладбище темнозеленыхъ кипарисахъ тоже все гнѣзда, и гнѣзда... Самихъ обитателей этихъ гнѣздъ мало было видно, — только кое-гдѣ торчали ихъ длинныя фигуры, почти огненнокрасныя отъ косыхъ лучей заходящаго солнца, да въ воздухѣ, тамъ и сямъ рѣяли плавно эти друзья и союзники человѣка.

Или они не обращали на насъ вниманія, или дѣйствительно незамѣчали вовсе, только мы свободно заняли конопляники и осторожно пробирались ими, къ болѣе интереснымъ, бобовымъ грядамъ.

Здѣсь вѣдь не такъ какъ у насъ на сѣверѣ; — здѣсь темнѣетъ разомъ. Не успѣетъ солнце спуститься, какъ наступаетъ непроницаемая темнота, и мы на эту темноту возлагали свои главнѣйшія надежды.

Ощупью добрались мы до бобовъ и принялись за усиленную работу, вполголоса перекликаясь, чтобы не растеряться.

Мнѣ пришло въ голову послѣдовать примѣру Верхогляда и набрать съ собою про запасъ, — я надергалъ цѣлую кучу стеблей со стручками, перевивъ ими свою шею.

— Довольно! слышался условный сигналъ къ отступленію... и мы стали понемногу отходить и отбѣгать снова въ конопляники. Въ такой темнотѣ трудно было попасть удачно на прежнее мѣсто стоянки и мы, находясь въ относительной безопасности, рѣшили дожидаться утра.

На разсвѣтѣ насъ встревожили озлобленные крики аистовъ и боевые голоса нашихъ. Гдѣ-то не очень далеко, однако, на противоположномъ концѣ селенія, очевидно, завязывалась крупная ссора.

Звуки этой ссоры разгорались все сильнѣй и сильнѣе, слышались даже удары крыльевъ — и крики раненыхъ.

Мы быстро выстроились, поднялись и ринулись стремительно къ своимъ, на выручку.

— Не выдавать! громко закричалъ папа-Горланъ.

— Не выдавать! подхватили остальные голоса...

Мы надали маху изо всѣхъ силъ и поспѣли какъ разъ вѣремя. Цѣлая туча аистовъ, чуть не впятеромъ на одного, напали врасплохъ на одинъ изъ треугольниковъ уральцевъ. Тѣ защищались энергично и стойко, но уже нѣсколько журавлей было ранено и судорожно бились, путаясь въ густомъ, сухомъ бурьянѣ.

Съ боевымъ крикомъ мы накинулись на побѣдителей и смяли ихъ разомъ. Верхоглядъ на моихъ глазахъ, налету сшибъ одного аиста и погнался за другимъ... Папа-Горланъ колотилъ направо и налево... но аистовъ было слишкомъ много и со всѣхъ сторонъ слетались ихъ новыя и новыя стаи... Тутъ снова слышались наши боевыя трубы — на выручку къ намъ — въ свою очередь неслись стремительно свѣ-

жіе треугольники и впереди одного изъ нихъ Мудрый-Крыломахъ. Прибывшія силы мигомъ опрокинули аистовъ и заставили ихъ очистить поле битвы... Тѣ стали группироваться у кладбища, готовясь повторить атаку...

Очевидно, что бой готовъ былъ разгорѣться съ новою силою...

— Отступать! раздалась команда Крыломаха.

— Зачѣмъ! какъ отступить!? слышались недовольные голоса нашей молодежи.

— Отступать не разсуждая, когда приказано! грозно прикрикнулъ папа-Горланъ.— Молодежь нерваться!.. Назадъ!.. Сверху виднѣе...

Дѣйствительно мы слышали голоса наверху, подняли головы, а тамъ нашъ дѣдушка Долгоносъ съ двумя треугольниками, соединенными въ одинъ, дѣлають намъ предостерегающіе знаки... Они описываютъ большіе круги, повторяя гортанный, короткій крикъ тревоги.

Только что мы начали отступленіе, — какъ замѣтили людей, бѣгущихъ на мѣсто сраженія съ длинными ружьями въ рукахъ... Опасность была слишкомъ велика и дѣйствительно разсуждать было некогда.

Нѣсколько дымковъ вспыхнуло внизу, нѣсколько пуль просвистѣло мимо насъ, разрѣзая воздухъ, — къ счастью благополучно... Хотя аисты и друзья чловѣка, какъ они сами хвастали, но звуки пальбы напугали ихъ не менѣе насъ, и они разсыпались врозь, не рѣшаясь преслѣдовать насъ отступавшихъ.

Когда мы всѣ собрались въ безопасномъ мѣстѣ, началась немедленно провѣрка и разслѣдованіе причинъ кроваваго столкновенія.

Оказалось, что ссору затѣяли аисты, вступившись за чужое добро; — просто придрались, благодаря своей

задорной натурѣ, наши не поддались — слово за слово, завязалась драка... началось по обыкновенію изъ пустаго, а кончилось серьезнымъ кровопролитіемъ... Если бы не поспѣла наша помощь, можетъ быть произошло бы повальное избіеніе цѣлаго треугольника.

Съ нашей стороны не досчитались четырехъ журавлей, оставшихся на мѣстѣ боя, да штукъ десять было, болѣе или менѣе, легко раненыхъ... а изъ-за чего?

— Изъ за бобовъ... сказалъ кто-то!

— Нѣтъ не совсѣмъ изъ-за бобовъ. Аисты не ѣдятъ бобовъ и имъ не было бы жалко и обидно, еслибы мы объѣли хотя все поле... Они вишь ты — вступились за добро человѣка и были правы, рѣшили дядя Клу-клу.

— Бобы и вообще растительная пища созданы Богомъ для нашего употребленія, заговорилъ папа Горланъ. — Положимъ, что эти бобы посажены были человѣкомъ и принадлежали исключительно ему, да мы развѣ виноваты, что по близости не было бобовъ дикихъ, вольныхъ... А ѣсть надо!.. Еслибы человѣкъ относился къ намъ не враждебно, мы бы охотно оказали ему, въ свою очередь посильныя услуги... Напримѣръ...

Тутъ папа немного опростоволосился. Какъ онъ ни придумывалъ подходящаго примѣра, — ничего подходящаго не наворачивалось... Выручилъ папу Долгонось.

— Другъ нашъ Горланъ, сказалъ великую истину: — ѣсть надо! Въ этомъ то все и дѣло!

Съ этимъ мы всѣ невольно согласились и порѣшили, что съ этой точки зрѣнія — мы тоже были совсѣмъ правы.

— И всегда бываетъ, когда люди, послѣ горячей драки, начнутъ разсуждать о причинахъ и своей пра-

вотъ, вмѣшался въ разговоръ премудрый Крыломахъ, — то всегда обѣ стороны окажутся правыми. Я разъ былъ свидѣтелемъ громаднаго кроваваго побоища между людьми, въ этой же сторонѣ... Массы людей, въ синихъ одеждахъ и въ красныхъ фескахъ, шли съ одной стороны — и такія же массы людей, въ сѣромъ и бѣлыхъ шапкахъ, — шли съ другой, на встрѣчу. Обѣ стороны кричали — за праваго Бога! и, призывая этого единаго Бога, вступили въ драку... Да какую... что наша утренняя — передъ тѣмъ ужаснымъ побоищемъ... И обѣ стороны были правы, обѣ стороны были одинаково искренно убѣждены въ своей правотѣ, и ради этой правоты охотно жертвовали своею жизнью... и оставшіеся въ живыхъ до сихъ поръ сохранили это убѣжденіе и передадутъ его своимъ дѣтямъ... Изъ за чего же они дрались?... Вѣроятно, и я въ томъ увѣренъ, что развѣ души павшихъ героевъ, безразлично съ какой бы стороны они ни были, встрѣтившись «тамъ» вмѣстѣ, узнаютъ только истину, самую то правду... А здѣсь, на землѣ, въ этихъ вопросахъ, пока никто и никогда не разберется. А это что же! особенно отличившійся герой сегодняшняго боя, — что онъ такъ разукрашенъ? — расхохотался старый философъ, обратясь въ мою сторону.

Тутъ только я замѣтилъ, что сдѣлался центромъ общаго наблюденія, и сконфузился окончательно.

Дѣло въ томъ, что вся моя шея была изукрашена красиво переплетшимися бобовыми стеблями, моимъ ночнымъ запасомъ, а Верхоглядъ подошелъ ко мнѣ и, ласково потыкавъ меня носомъ, замѣтилъ:

— Молодецъ! — это хорошо слѣдовать доброму примѣру, — этакъ гораздо удобнѣе носить запасы, чѣмъ мнѣ мой кукурузный початокъ.

Однако солнце поднялось и давно пора отправляться въ путь... народъ повсюду просыпался — трубы че-

ловѣческихъ жилищъ дымили усердно... отовсюду неслись звуки пробуждающейся жизни...

Пожалѣвъ павшихъ, помянувъ ихъ добрымъ словомъ, — тронулись въ путь, съ мѣста разбившись на отдѣльныя партіи.

Я успѣлъ все-таки отыскать заинтересовавшую меня журку-уралку и, подѣлившись съ нею бобами, уже налету пристроился къ нашему треугольнику.